

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА И ПЕРЕВОД КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖОНА ГРИШЕМА «SKIPPING CHRISTMAS»)

© 2010 В.В. Докучаева

Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 12.03.2010

На примере лексико-семантического поля «Еда» рассматривается современная тенденция перевода выбора в пользу не локализации а ксенофилизации.

Ключевые слова: теория познания, перевод, эквивалентность, еда.

Из чего сделаны йоркширские пудинги? Батончик «Марса», это сладость? Ели чапати? Разве чапати не означает «шляпа» по-французски?
(С.Таунсенд. Признания Адриана Моула)

Создание перевода художественного произведения может и должно интерпретироваться как эстетическое событие¹. В то же самое время, перевод художественного текста подразумевает определенный паритет между автором исходного текста и автором перевода. Автор указывает, что при одном участнике не может быть эстетического события; абсолютное сознание, которое не имеет ничего трансгredientного себе, ничего внеаходящегося и ограничивающего извне, не может быть эстетизовано. Эстетическое событие может случиться только при наличии двух участников, причем этот факт предполагает два несопадающих сознания.

Например, нам нужно вынести суждение о нескольких итальянских переводах «Гамлета» (III. 4), где Гамлет с криком *Now now! A rat* («Как это? Крыса?») обнажает шпагу и прокалывает полог, убивая Полония. Все известные итальянские версии переводят это так: «Что это — мышь?» или «Как? Мышь?». Вне всякого сомнения, многие из этих переводчиков знали не только то, что по-английски слово *rat* обозначает *any of numerous rodents differing from the related mice by considerably larger size and by structural details*, но и то, что по коннотации *rat* означает «a contemptible person» (презренный человек). А вот итальянское слово *ratto* («крыса») таких коннотаций лишено². Изучение этнической картины мира, т.е. содержания языкового сознания этносов, является одной из первоочередных задач современной гумани-

тарной науки³. Контекстом «прочтения» текста выступает культура⁴. А с переводческой точки зрения в культуре нет ничего постороннего переводу. Поскольку самый малый акт понимания предполагает поиск приблизительных эквивалентов понятиям и практикам других людей в горизонте собственных понятий и слов – а это и есть перевод⁵.

В данной работе приоритетным представляется термин «безэквивалентная лексика», под которой понимается лексика, содержащая национально-культурный компонент в денотате, в частности, национально-культурные семы, автономно или в различных комбинациях присутствующие в ее семантической структуре⁶. В качестве благоприятных условий, способствующих активной ассимиляции безэквивалентной лексики (далее БЭЛ), отмечается, прежде всего, длительность употребления слова. Также, многое зависит от коммуникативной важности и тематической отнесенности лексических единиц – актуальность и частотность употребления лексической единицы являются необходимыми и релевантными факторами, влияющими на освоение БЭЛ. Теоретическое рассмотрение анализа эмпирических материалов показал, что лексика тематических групп «быт, повседневная жизнь», наиболее частотна и в большей степени ассимилирована в английском языке.

«Campbell offered the Americans food now, steaks and mashed potatoes and gravy and mince pie...»

«Кэмбл стал предлагать американцам всякую еду: бифштексы с картофельным пюре с подливкой, мясные пироги...» *Vonnegut Jr. Slaughterhouse-five or The Children's Crusade*

⁰ Докучаева Валентина Васильевна, ассистент кафедры теории и практики перевода, аспирант.
E-mail: hominemquaeroo@gmail.com

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: 1979. – С. 217.

² Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе. – СПб.: 2006. – С. 106.

³ Подгорская А.В. Стилевые тенденции в русской рождественской поэзии рубежа XIX – XX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 19. – С. 262 – 271.

⁴ Деррида Ж. Структура, знак, и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: 2000. – С. 506.

⁵ Венедиктова Т. Перевод как опыт // Иностранная литература. – 2009. – №12. – С. 217 – 222.

⁶ Кохан Н.А. К вопросу о процессе семантической ассимиляции лексики с национально-культурным компонентом // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 4. – С.181 – 185.

Одновременно, рассматриваемый пласт лексики остается самым трудным для перевода. Александр Богдановский в книге Елены Калашниковой «По-русски с любовью: Беседы с переводчиками» рассказывает: «В одном романе герои трое суток скитались в горах, питаясь одними... В тексте было — *tortillas*, это такие маисовые лепешки. Я же написал, вспомнив, вероятно, «Приключения Буратино», «одними черепахами». Откуда в горах черепахи?! К счастью, успел поймать». Подтверждает это и частотность описательного перевода:

«The first time you try Gorgonzola cheese you may find it too strong, but when you are older you may want to eat nothing but Gorgonzola cheese»

«Когда впервые вы пробуете горгонзолу (это такой голубой сыр с плесенью), он вам может показаться чересчур острым, но с возрастом вам может захотеться есть исключительно сыр с плесенью». *Snicket The Bad Beginning*

Каждый процесс восприятия и познания происходит таким образом так, чтобы удовлетворить потребность-инстинкт к знанию. Удовлетворение инстинктов мы ощущаем эмоционально. С.Грос-сберг и Д.Лавин (1987) разработали нейронную модель, в которой удовлетворение или неудовлетворение инстинктов ощущаются как положительные или отрицательные эмоции. Эмоции сообщают инстинктивным механизмам о возможности удовлетворения инстинктивных потребностей. Как мы ощущаем эмоции удовлетворения инстинкта к знанию? При восприятии обычных объектов, эти эмоции ниже порога сознательного ощущения. Однако, если окружающие объекты не соответствуют моделям в мышлении, мы немедленно ощущаем сильную дисгармонию (между реальностью и нашими ожиданиями)⁷. И все же, самое интересное — это имя еды⁸. Известно, что мыслительная деятельность человека включает в себя три элемента: 1) мыслительный труд субъекта, дающего обозначений объекту; 2) средства, используемые в номинации, т.е. языковые средства, находящиеся в распоряжении именуемого субъекта; 3) предмет номинации, т.е. тот экстралингвистический объект, существующий материально или мыслимый, которому дается наименование.

Итак, выбор признаков оказывается решающим для формирования значений языковых единиц. Однако в подавляющем большинстве случаев выделение понятий и «членение» мира и социально и исторически не обусловлено и выступает как известная случайность. Живущие в сходных условиях народы, говорящие на разных языках, проводят классификацию на основании реально существующих, но различных

признаков⁹. В своей мыслительной деятельности человек дает имена познаваемым вещам, свойствам и отношениям действительности, отражая общественный опыт. Так, во времена фашизма гастрономическая карта отражает территориальные претензии к соседям: буйабес из французской Ниццы, мараскин из далматинской Зары — это все Италия, по мнению Муссолини. Фашистский режим вел борьбу за чистоту языка, пытаясь убрать из кулинарной терминологии французские и английские слова. Но применение итальянских слов приводило к потере важных деталей (например, терялось различие между засахаренным и глазированным), а неологизмы (например, попытка назвать коктейль многонапитком) тоже не прижились¹⁰.

Языковая форма знака обусловлена не только природой объекта, но и субъекта¹¹. Проведенный анализ данного слоя лексики показывает, что специфика лексики даже каждой отдельной семьи определяется особенностями быта, семейными речевыми традициями, семейным речетворчеством, неповторимостью и своеобразием языковых личностей членов семьи (большую роль играет личностный, психологический и социальный фактор), поэтому даже в одной семье её члены используют разные номинации одного и того же, а не только единый семейный лексон¹². В рамках же двух культур расхождений еще больше. Так, в 2009 году, в рамках конкурса, студентам ОГПУ был предложен на перевод рассказ *Goose in the Pond* (Earlene Fowler). При последующем анализе и анкетировании выяснилось, что наибольшие трудности составил подбор эквивалентов к следующему отрывку:

«The scents of Farmers' Market swirled around me as I stepped into the crowded throng of people—smoky tri-tip beef, huge turkey legs, Chinese shish kebabs, and peppery Portuguese linguica sausage barbecuing over thick chunks of white-hot oakwood; the toasty smell of homemade tamales and cooking pinto beans ...»

«Everything that made San Celina County special was represented at Thursday-night Farmers' Market—the rainbow displays of bright orange carrots, Kentucky Wonder beans, winter banana apples, lipstick peppers, sage honey...»

Джон Гришэм — современный американский писатель, больше известный работой в жанре «юридический детектив». «*Skiping Christmas*» — его первая ироничная история (вышла в России в 2001, в перево-

⁷ Перловский Л, Лавин Д. За что Адам был изгнан из рая? Взгляд когнитивной науки, нейрофизиологии и математических моделей мышления // Звезда. — 2008. — №12. — С. 40 — 47.

⁸ Березин В. Худые и толстые. Литературная критика // Октябрь. — 2001. — №11. — С. 188 — 191.

⁹ Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке. Принципы и методы семантических исследований. — М.: 1976. — С. 14.

¹⁰ Уланов А. Повседневность // Знамя. — 2008. — №1. — С.223 — 227

¹¹ Колианский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте. Принципы и методы семантических исследований. — М.: 1976. — С.5 — 31.

¹² Байкулова А.Н. Семейный лексикон (номинации ближайших объектов) // Известия Саратовского университета. — 2009. — Т. 9. Сер. Филология. Журналистика, вып. 3. — С.12 — 15.

де Н.Рейн), написанная в жанре рождественской сказки для взрослых.

В тексте анализируемого произведения присутствует определенный пласт безэквивалентной лексики. Транслема *sake* соотносится в русском языке одновременно с лексемами «кекс; пирожное; торт», уже вызывая противоречивые ассоциации: Кекс — кондитерское изделие из сдобного теста в виде хлебца или булочки. Пирожное — кондитерское изделие из сдобного сладкого теста (обычно с кремом, помадкой, цукатами и т.п.) Торт — кондитерское изделие из бисквитного, песочного или слоеного теста с кремом, цукатами и т.п. В тексте транслемы *fruitcake* и *caramel cream pie* получают значение фруктовый торт и торт с кремом и карамелью.

«No tree, no shopping, no meaningless gifts, no tipping, no clutter and wrappings, no traffic and crowds, no fruit-cakes...».

«Никаких хождений по магазинам, бессмысленных подарков, чаевых привратнику, суеты и хрустящих оберток, никаких толп и автомобильных пробок, фруктовых тортов...».

«Of course I'm making a caramel cream pie, your favorite».

«Да, конечно, я делаю твой любимый торт с кремом и карамелью».

Несомненно, что неполное совпадение смыслов в процессе перевода является нормой и, вероятно, выполняет при этом важную функцию, так как способствует приращению и продуцированию нового смысла¹³. Но, одновременно, в результате декомпрессии транслемам сообщаются дополнительные смыслы и ассоциации, иногда не характерные для культуры-источника и не имеющие постоянного вербального выражения в языке оригинала. И хотя выражение «В мире компонентов нет эквивалентов» Венидикт Ерофеев высказывал относительно алхимии, применительным оно оказывается и здесь. Русская лексема «печенье» представляет собой лишь частичный перевод одного из компонентов сложной транслемы *brownie* (a small square nutty chocolate cake).

«Mrs. Ellen Mulholland, a lovely widow who was already baking brownies».

«Миссис Элен Малхолланд, красивая вдова, которая уже принялась печь печенье».

Конфликт переводческих понятий «одомашнивание-остранение» подробно описывает У.Эко¹⁴, пример сужения *marshmallow cream* до крем только подтверждает актуальность рассмотрения этого вопроса.

«She found the caramels, the marshmallow cream, and the pie shells».

«Быстро нашла карамель, крем и коржи для торта».

Отмечается, что перевод «Над пропастью во ржи» Риты Райт-Ковалевой стал огромным событием для русской литературы и русского читателя. Многие (в том числе и В.Топоров) с одобрением пишут о том, как «гармонизировала» переводчица Сэлинджера, некоторые находят, что «сырник» в тексте гораздо уместнее «чизбургера». Р.Райт-Ковалева переводила «гамбургер» словом «котлета». И была совершенно права, поскольку ее современники не имели ни малейшего представления об американском общепите. В 60-е годы прошлого века это решение было настолько же удачным, насколько нелепым оно показалось бы сегодня, когда ассортимент «Макдоналдса» знаком каждому школьнику¹⁵. Сравним у современных авторов: «Чизкейк, который вы заказываете в кафе, привезён замороженным из Австралии и оттаял только в микроволновке перед подачей на ваш стол»¹⁶.

А Елена Костюкович, несравненный знаток истории и культуры Италии, переводчик знаменитых романов Умберто Эко, приглашает российского читателя в увлекательное гастрономическое путешествие по Апеннинскому полуострову в обществе классиков итальянской литературы, задавая вопрос: «Что такое флорентийский бифштек, миланское ризотто?»¹⁷ Очень точный анализ этой ситуации дает переводчик Григорий Дашевский в интервью Е.Калашниковой: «Переводчики все-таки — «почтовые лошади просвещения», а не почтовые голуби наслаждения. А в 40-е годы в СССР победила идея, что перевод должен производить «равноценное художественное впечатление» и даже «заменять подлинник». Звучит возвышенно, но предпосылки у этих лозунгов такие: советский человек не знает, не будет и не должен знать иностранных языков; современные (то есть советские) русский язык и литература настолько богаты и, главное, универсальны, что способны адекватно передать и Руставели, и Данте, и Митчела Уилсона»

Сегодня мы живем в совершенно другой культурной ситуации. Давно нет «железного занавеса», и ни переводчику, ни читателю не приходится восполнять воображением незнание реалий чужого мира. Нет цензуры, зачастую нет и редактора. Переводится в десятки, в сотни раз больше зарубежных книг, профессия переводчика утратила ореол «избранности». Стало больше безграмотных переводов — но больше и молодых талантливых переводчиков. Одна и та же книга может выходить в разных издательствах и разных переводах. Читатель зачастую заглядывает в оригинал¹⁸. В сказке Туве Янссон «Муми-тролль и шляпа волшебника» есть замечательная сноска: «Если не знаешь, спроси у мамы»¹⁹. Сегодня же в пору, по видимому, «мамам» обращаться за разъяснениями, к

¹³ Рябова М.В. Характер ассимиляции культурных смыслов при переводе (опыт лингвокультурного анализа) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 10 (148). — С. 114 — 120.

¹⁴ Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. — СПб.: 2006. — С.205 — 225.

¹⁵ Борисенко А. Сэлинджер начинает и выигрывает // Иностранная литература. — 2009. — №7. — С. 223 — 233.

¹⁶ Садулаев Г. Таблетка. — М.: 2009. — С. 33.

¹⁷ Костюкович Е. Еда. Итальянское счастье. — М.: 2006. — С. 11.

«детям» — современным писателям, переводчикам и читателям.

Цивилизация с цивилизацией знакомится так же, как человек с человеком: для того, чтобы знакомство состоялось, они должны увидеть друг в друге что-то общее; для того, чтобы знакомство продолжалось (а не наскучило с первых же дней), они должны увидеть друг в друге что-то необщее²⁰. Диффузия предполагает взаимное проникновение смыслов, сопровождающееся их частичной потерей и частичным обогащением²¹. Утраченные и приобретённые ассоциации, в целом, не всегда противоречат культуре-источнику или культуре-адресату, если отвечают поставленной коммуникативной задаче. Но иногда подобное сужение смыслов приводит к появлению контекстуальной лексической лакуны. Бертран Рассел заметил: «Невозможно понять, что означает слово «сыр», если не обладать лингвистическим знакомством с сыром»²². Но отсутствие собственного опыта компенсируется воспроизведением в нашем сознании структур чужого опыта благодаря коммуницируемости знаний, благодаря опыту речевой коммуникации, который формирует знания о возможных интерпретациях языковых выражений²³.

На наш взгляд, выделение личностного сознания как элемента гносеологии и теоретической философской мысли заслуживает специального рассмот-

рения. Сознание присуще только человеку. Оно как свойство человеческого мозга помогает активно, целенаправленно отражать действительность. «Если наша жизнь не текст, то, что же она такое?» задается вопросом один из героев работы А.Зорина «Записки и выписки»²⁴. От понимания текста зависит и наше понимание жизни. Этим обуславливается выделение БЭЛ в рамках перевода как гносеологической проблемы.

¹⁸ Борисенко А. Сэлинджер начинает и выигрывает // Иностранная литература. – 2009. – №7. – С. 223 – 233

¹⁹ Малевич Н. Который же Карлсон живет на крыше? // Иностранная литература. – 2009. – № 7. – С.

²⁰ Гаспаров М. Брюсов и буквализм // Сб.: Мастерство перевода. – М.: – 1971. – № 8. – С.9.

²¹ Рябова М.В. Характер ассимиляции культурных смыслов при переводе (опыт лингвокультурного анализа) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 10 (148). – С. 114 – 120.

²² Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода// Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: 1978. – С. 16 – 24.

²³ Шехтман Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст. – М.: 2009. – С. 34.

²⁴ Зорин А. Распределение ролей // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 82. – С. 34.

CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY AND TRANSLATION AS A GNOSIOLOGICAL PROBLEM (BASED ON «SKIPPING CHRISTMAS» BY JOHN GRISHAM)

© 2010 V.V.Dokuchaeva^o

Orenburg state pedagogical university

The article focuses on the current trend of foreigning while translating, when a translator no longer tries to find a translation of a term in the target language. As an example the author refers to translations of names belonging to the lexical-semantic field of food.

Key words: theory of knowledge, translation, equivalency, food.

^o Dokuchaeva Valentina Vasilevna, assistant lecturer of Department of Theory and Practice of Translation, post-graduate student. E-mail: hominemquaeroo@gmail.com